

*Х. Уртубия Одекеркен*¹
X. Urtubia Odekerken

ТИП ПАРТИЙЦА В КОМПАРТИИ ЧИЛИ (1924–1933)

MODELS OF MILITANT IN THE COM- MUNIST PARTY OF CHILE (1924–1933)

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в восприятии членства в коммунистической партии в период её большевизации через процесс взаимодействия и напряжённости, возникших в результате столкновения традиционной политической культурой Чили с большевистскими критериями партийности, установленными партийным руководством. Автор доказывает гипотезу, что эта политика насаждения новых критериев гегемонии и контроля за партийными рядами неминуемо привела к внутреннему партийному конфликту между официальной фракцией, поддержанной Коминтерном, и диссидентской.

Ключевые слова: партийность, политическая культура, коммунизм, большевизация, Чили

Abstract: This article explains the mutations in the nature of communist militancy during the bolshevization of the Communist Party of Chile. This process is examined from the interactions and tensions between a traditional political culture and Bolshevik references promoted by the party leadership. The hypothesis of this paper is that the hegemonic nature of these representations expresses the political dimension finally acquired by the conflict between an official fraction (backed by the Communist International) and another dissident.

Keywords: Militant, political culture, Communist Party of Chile, bolshevization

¹ *Химена Уртубия Одекеркен* — Университет Чили (Universidad de Chile) xurtubiaode@gmail.com.

В развитии КПЧ период с 1924 по 1933 г. вошел в историю как этап «большевизации» партии. Этот процесс заключался в постоянной корректировке линии партии в соответствии с требованиями Коминтерна в этот ключевой период развития международного коммунистического движения. На IV Конгрессе Коминтерна был сформулирован тезис о «третьем периоде» развития мирового капитализма как преддверия его крушения. На основании этой оценки был брошен призыв к компартиям всего мира преодолеть внутренние слабости и добиться лидерства в рабочем движении своих стран. Коминтерн полагал, что для достижения этой цели его секции должны полностью соответствовать большевистской модели партии². Объявленная Коминтерном большевизация должна была привести к построению монолитной революционной массовой партии, но «с учётом конкретной ситуации в каждой стране»³. Однородность, внутреннее единство модели компартий диктовали особый тип партийной принадлежности: боевые кадры коммунистов являлись дисциплинированными, теоретически подготовленными членами партии, способными правильно оценить политическую конъюнктуру и действовать соответственно этой оценке. Таким образом, национальные компартии становились все более тесно связанными с международным коммунистическим движением.

Этот процесс трансформации проходил под пристальным вниманием высшего руководства Коминтерна. В случае с чилийской компартией эту задачу выполнял Южноамериканский секретариат (ЮАСКИ), с 1931 г. — Южноамериканское бюро (ЮАБ). Как утверждает исследователь темы, историк Ольга Ульянова, тот факт, что вмешательство этих органов происходило в условиях нахождения компартии в подполье после установления диктатуры Ибаньеса в 1927–1931 г.⁴, весьма облегчил задачи Коминтерна⁵.

Под большевизацией КПЧ историки понимают стратегическую и организационную трансформацию, начало которой было положено смертью в 1924 г. считавшегося либералом признанного лидера Соци-

² Carr E. El socialismo en un solo país, 1924–1926. t. 3. Madrid: Alianza Editorial, 1976. P. 104–105

³ Carr E. El socialismo en un solo país. P. 105.

⁴ Подробнее о политических событиях национальной истории того времени см. *Богущ Е.Ю., Щелчков А.А.* Политическая история Чили, XX век. М.: Высшая школа, 2009. С. 42–49.

⁵ Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931. / *Ulianova O., Riquelme A.* (eds.) Santiago: Ediciones DIBAM, 2005, P. 258.

алистической рабочей партии (ПОС), а затем и КПЧ Луиса Эмилио Рекабаррена.⁶ С 1926 г. компартия изменила свою федеративную структуру, унаследованную от ПОС и основанную на принципах внутренней демократии и открытых ассамблей, на новый принцип организации ячеек на основе «демократического централизма». В рамках этого стратегического поворота, инициированного Коминтерном, КПЧ отказалась от прежней политической практики, восприняв риторику «третьего периода» и начав проводить с 1931 г. политику «класс против класса» в самой жёсткой форме.

С другой стороны, отделение компартии от Рабочей Федерации Чили (ФОЧ), которая была её основной профсоюзной базой, проходило через создание так называемых «коммунистических фракций» в профсоюзах. В рамках риторики «третьего периода» посредством наступательной тактики партия стремилась проводить политику гегемонии в эти фракциях профсоюзов. В эти годы КПЧ последовательно декларировала отказ от союзов с другими политическими силами. ФОЧ была основой для формирования под руководством коммунистов Единого фронта.

Главным последствием этого процесса был разделение КПЧ на две фракции: официальную компартию (признанную ЮАСКИ — ЮАБ) и диссидентскую. Начиная с 1931 г. каждая фракция сформулировала свою программу и свой политической проект, что привело к окончательному расколу партии. В марте 1933 г. на своем партийном съезде диссиденты решили создать свою партию Коммунистическую левую (ИК — *Izquierda Comunista*). Официальная фракция коммунистов подтвердила своё преобладание в партийных рядах на съезде КПЧ несколько месяцев спустя. Этот конфликт фракций в компартии истории обычно связывают с противостоянием троцкистов и сталинистов. В последние годы исследователи подчёркивают, что существовала преемственность диссидентов с «традицией Рекабаррена», а официальная фракция стала единственным бастионом «большевизации»⁷.

Все согласны с тем, что большевизация привела к глубокой трансформации: изменение политической практики позволило официальной фракции КПЧ создать в конце 20-х гг. основы для «сталинизации» партии. Укрепилась точка зрения, что большевизация была неизбеж-

⁶ *Ramírez H.* Origen y formación del Partido Comunista de Chile. Ensayo de historia política y social de Chile, Moscú, Editorial Progreso, 1984. P. 285

⁷ *Muñoz G.* Disputa por el comunismo en Chile: estalinistas y opositoristas en el partido de Recabarren (1924–1934), Tesis para optar al grado de Licenciado en Historia, Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile, Santiago, 2014.

ной, поддержанной всеми чилийскими коммунистами. Хотя тема политической культуры в этот период мало изучена в историографии, очевидно, что дисциплина и доктринальное единомыслие были самыми важными принципами, которые сформировали политическую культуру коммунистов⁸. Исследователи истории партии отмечали, что большевизация КПЧ приветствовалась в рядах партии.

Цель данного исследования — анализ модели партийности с учетом того, что официальная (партийная) историография КПЧ утверждает онтологическую природу коммуниста, партийца, которая отрицает фракционность, внутреннюю принципиальную борьбу, а все внутрипартийные конфликты для нее сводятся к личностным противоречиям лидеров. Что касается влияния большевизации на оппозиционную фракцию, то этот вопрос остаётся неизученным не из-за отсутствия источников, а в основном из-за того, что эту фракцию априори считали троцкистской и жёстко противостоящей официальной партии, что дало повод исследователям отрицать всякое влияние большевизации на оппозицию в партии. Данное исследование обращается к неизученным предшественникам источникам (Личный архив Мануэля Идальго Пласы и газета этой фракции «La Chispa», Сантьяго), которые позволяют определить преобладавшие модели поведения активистов компартии. Мы попробуем проследить взаимосвязь между изменениями в политической культуре коммунистов и соотношении сил, вызванным процессом большевизации. Историческое развитие характеристик партийности КПЧ связано с существовавшей напряженностью и взаимодействием между глубоко укоренённой в Чили традиционной политической культурой и большевизацией, насаждаемой партийным руководством. В исторической ретроспективе очевидны три момента, которые будут проанализированы в данной статье. Во-первых, мы представим чилийского коммуниста в рамках традиционной политической культуры. Затем, опишем влияние большевизации на характер партийности. И, наконец, рассмотрим различные модели, связанные с фракционной борьбой за руководство КПЧ.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОММУНИСТ (1924–1925)

В январе 1925 г. Фермин Кодоседо так вспоминал свои впечатле-

⁸ *Aránguiz S.* Rusia Roja de los Soviets: Recepciones de la Revolución Rusa, del bolchevismo y de la cultura política soviética en el mundo obrero revolucionario chileno (1917–1927). Tesis para optar al grado de Doctor en Historia, Instituto de Historia, Pontificia Universidad Católica de Chile. Santiago, 2012.

ния от речей погибшего Рекабаррена: «Меня охватило и потрясло до самого сердца яркое чувство возрождения через новый идеал, которому хочу быть преданным. В тот день я как будто родился заново; все моё существо пронизал яркий луч коммунизма»⁹. Для Кодоседа лекции и собрания, дискуссии стали крайне необходимыми, они уже были частью его жизни. Из воспоминаний этого члена партии ясно, что после привлечения новых членов партии надеялись сформировать у них революционное сознание.

Понимая, что революция не стоит в ближайшей повестке дня, чилийская компартия ставила своей целью «готовить массы». Это означало работу над формированием классовой сознательности, которая поможет обеспечить создание революционных организаций, идущих за коммунистами. В этом смысле коммунистическая деятельность приобретала чёткий «педагогический» смысл, направленный на политический прозелитизм и пропаганду. Так, автор статьи, подписанной инициалами P.V., указывал, что членам партии следует «через устную и письменную пропаганду, лекции, ежедневные беседы, просвещать, обучать массы тому, что означает борьба труда и капитала, какие средства и методы надо реализовывать на практике»¹⁰. Таким образом, делалась ставка на присоединение трудящихся к борьбе за коммунистический идеал¹¹. Эта работа должна была помочь избежать дезертирства или предательства, когда наступит революционная пора¹².

«Подготовка масс», согласно взглядам коммунистов, состояла в утверждении рационализации, позволяющей понять положение с эксплуатацией и найти формы её преодоления. Это стало привнесение сознательности в умы масс. Речь шла о формировании критического взгляда трудящихся на капитализм и классовую иерархию. С этой точки зрения, готовить массы означало делать ставку на самых политически способных, то есть формирование революционного сознания было возрождением, «пробуждением» класса, Фермин Кодоседа называл это «родиться заново».

Революционное сознание заключалось в критическом взгляде на трудовые отношения, на эксплуатацию, и оно затрагивало не только трудовые отношения, но и всю структуру личности. В этом смысле рационализация человеческой сущности коммунистами неизбежно

⁹ *Codocedo F. Recuerdos de gratitud//El Comunista, Antofagasta, 4 de enero de 1925.*

¹⁰ *P. V. Conciencia revolucionaria//El Comunista, 1 de marzo de 1925.*

¹¹ *P. V. Lucha e ideales// El Comunista, 7 de marzo de 1925.*

¹² *Rayo Rojo. Debemos triunfar contra todos nuestros enemigos // La Jornada Comunista, Valdivia, 2 de noviembre de 1925.*

приводила к ее проблематизации. Если капиталистическое общество создало определённый тип человека, то и революционный проект должен был предложить новый тип человека бесклассового общества. Это было то пространство борьбы и спора, в который вступили коммунисты. Мораль коммунистов была основана на вызове капитализму, разрушении кодексов и ценностей капиталистического общества. В ней предстал следующий образ коммунистов: это справедливые люди, готовые на самопожертвование, ведущие аскетический образ жизни, способные к любви, солидарности, сочувствующие чужой боли¹³. Напротив, буржуа характеризовались как амбициозные, растратчики, эгоисты и тщеславные люди¹⁴. Этот взгляд на классовый конфликт строился вокруг революционного проекта партии: идеала будущего аскетичного коммунистического общества, к которому готовились партийцы, обязанные быть морально устойчивыми¹⁵.

Главная цель коммунистической активности состояла в придании первостепенного значения «борьбе за идеалы», приверженности политической цели. Но это подразумевало также, что профессиональные требования и социальные реформы не являются главной целью трудящихся¹⁶. Тем не менее, это не означало, что Компартия отвернулась от возможностей борьбы за эти непосредственные цели. Хотя коммунисты-парламентарии и члены партии в профсоюзах должны были вести упорную пропагандистскую работу, также они должны были поддерживать и выдвигать инициативы по улучшению текущего положения трудящихся и их движений, не отказываясь от участия в правительственных органах¹⁷. Взаимодействие между коммунистической моралью и революционным проектом предполагало проведение своей политики среди народных масс. Это вылилось в постоянное осуждение в партийной прессе КПЧ « пороков рабочего класса» (алкоголизация, проституция и азартные игры), а после 1926 г. частью обязанно-

¹³ *Miranda M.* La figura del comunista según mi concepto // La Jornada Comunista, 30 de mayo de 1925.

¹⁴ *L. S. S.* Somos revolucionarios // La Jornada Comunista, 27 de agosto de 1926.

¹⁵ *A. G. Moral* comunista // Justicia, Santiago, 1 de mayo de 1925; *Villarín C.* ¿Dónde empieza la lucha contra el régimen? // Justicia, 28 de marzo de 1926.

¹⁶ *Grez S.* Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924). Santiago, Ediciones Lom, 2011. P. 266.

¹⁷ *Vampa L.* Emancipémonos! // Justicia, 6 de mayo de 1925; *Rayo Rojo*, Labor de los representantes comunistas en el Parlamento // La Jornada Comunista, 17 de noviembre de 1925.

стей членов партии стала борьба с этими явлениями¹⁸.

Чилийские коммунисты понимали свое членство в партии и политическую деятельность как свой долг, продукт индивидуальных убеждений и сознательности. В идеале это представлялось как результат опыта борьбы в профсоюзах и участия в общественных баталиях. Речь не шла о чисто формальном членстве в партии. Политическая культура КПЧ включала в себя идею, что каждый коммунист живёт и постоянно работает над повышением своей сознательности, размышляя и совершенствуясь в идейном плане. И тогда возникала проблема, как сочетается бытие коммуниста и обычное человеческое измерение.

Для вступления в ряды КПЧ необходимо было продемонстрировать свои политические убеждения, и это было основой бытия коммуниста в Чили. Традиционно коммунисты считали, что для того, чтобы показать свои партийные убеждения, достаточно просто убедить своих партийных товарищей, понимая, что решение о вступлении принимает узкий круг партийцев. По логике коммунистов, они имели на это право, так как обладали особой, но не исключительной рациональностью. Если организованный трудящийся хотел вступить в партию, ему было достаточно установить контакт с каким-либо партийцем, получить от него рекомендации и завоевать доверие среди других товарищей. На практике это означало, что КПЧ отдавала предпочтение профсоюзной деятельности своих будущих членов, а не знанию ими марксистской теории. Это объясняет, что в то время рабочих из ФОЧ обычно все считали коммунистами.

Так как коммунисты напрямую связывали сознательность и партийность, для партии крайне важной задачей было политическое образование своих членов. С другой стороны, это отвечало идеалам просветительства, которые с начала века проповедовали старые руководители партии. Так, Сальвадор Барра Волл говорил: «Не забывайте, что ваша доктрина вас обязывает методически и систематически трудиться над задачей прихода нового, менее жёсткого и подлого общества, чем сегодняшнее. Ваши устремления смогут осуществиться, если каждый день вы будете посвящать просвещению, самосовершенствованию, становясь более талантливыми и умными»¹⁹. Таким образом, коммунисты представлялись как люди, стремящиеся к знанию, обучению²⁰. Однако эти идеи не стали господствующими в партийных шко-

¹⁸ Estatutos del Partido Comunista // Justicia, 22 de julio de 1926.

¹⁹ Barra S. Ciudadano comunista // El Comunista, 19 de junio de 1925.

²⁰ Miranda M. op. cit.; Lillo J. Cultura y moralidad // La Jornada Comunista, 18 de junio de 1926.

лах и курсах коммунистов.

Воспитание в рамках КПЧ предполагало развитие критических взглядов членов партии²¹. Это означало в соответствии с идеалами просвещения формирование взгляда на действительность на основе дисциплинированного познания и усвоения марксистской теории. Критическое мышление должно было развиваться не внутри марксистской теории, а в споре с другими доктринами с позиций марксизма. Доктрина партии функционировала как гибкий инструмент, играя второстепенную роль при политическом анализе. Это связано с прозелитской деятельностью партии в профсоюзах и других организациях, не считая системы партсобраний в жизни самой партии. При этом всегда присутствовала линия на укрепление сознательности и постановку прагматических задач. Среди коммунистов особо ценилась критика и самокритика в рамках допустимых ошибок, которые исправлялись в ходе критики и воспитания товарищей.

У партии не было своих школ теоретической подготовки, обучение строилось на изучении, чтении, обсуждении материалов. Лекции, театральные пьесы, теоретические обсуждения, партийные собрания, не считая партийной печати, играли основную роль в политическом воспитании членов партии. Если профсоюзная борьба была способом повышения сознательности, то политическое просвещение должно было направлять её в соответствии с коммунистической доктриной. Профсоюзы были школой и местом завоевания политического капитала. Этот опыт борьбы создавал коммунистам авторитет среди масс.

Лидерство в профсоюзах было показателем успеха в завоевании авторитета в массах. Выбор кандидатов КПЧ происходил через предвыборную борьбу между разными секциями партии, а потом уже проводилось окончательное голосование. Не всякий член партии мог претендовать на выборные посты, а только имевшие стаж и авторитет в партийной организации. Они должны были иметь соответствующий уровень политической подготовки и лидерские способности. Все кандидаты были членами партии из «старой гвардии»: Мануэль Идальго, Луис Э. Рекабаррен, Сальвадор Барра Воль, Луис Виктор Крус и другие. Об этом свидетельствует один эпизод при выборах Национального Исполкома компартии на ее чрезвычайном съезде в Винья-дель-Мар в сентябре – октябре 1924 г.

Как утверждает историк Серхио Грез, Рекабаррен, присутствовавший на первых заседаниях съезда, отказался от своего назначения

²¹ L. F., Los cuatro manifiestos // Justicia, 2 de agosto de 1925.

в Исполком, аргументируя это тем, что большинство избранных в комитет «не были опытными борцами и не могли представить доказательства своей преданности идеям коммунизма и готовности жертвовать собой»²². Роберто Пинто ответил на это, что «старая гвардия» состояла из консерваторов, авторитарных людей, которые хотят использовать партию и нарушают нормы и решения съездов²³. В конце концов, так называемое «новое поколение коммунистов» потерпело поражение в своей попытке изменить соотношение сил в партии в свою пользу. Противопоставление знаниям и опыту как достоинства для коммуниста, что лежало в основе аргументов Рекабаррена, наступило позже в рамках процесса большевизации.

В течение 1925 г. слышались постоянные призывы определённого сектора руководства партии к изменениям деятельности КПЧ в виду ее плохой координации, неэффективности, нестабильности, что являлось крайне негативным в тот важный момент начала контраступления буржуазии против рабочего движения. Появились первые публикации в партийной прессе на тему системы ячеек в партии и о большевизации в целом. Некоторые партийцы заявляли, что процесс избрания руководства не был прозрачным, отсутствовали партийные школы, что позволило проникнуть в партию «разлагающему влиянию»²⁴. Через это обращения формализовывались изменения в отношении членства в партии, полностью реализованные к концу этого года.

На VII съезде компартии в декабре 1925 г. были приняты новые принципы избрания руководителей для обеспечения выполнения решений КПЧ²⁵. Решением партии была установлена система ячеек и принципы «железной дисциплины» их членов. Была определена роль парламентской фракции в соответствии с решениями Коминтерна²⁶. Помимо этого была улучшена система получения книг и брошюр для партийных библиотек, установлено расписание чтения этих материалов, а также принято решение о создании Института Карла Маркса для подготовки партийных кадров. Распределение задач между партийными кадрами соответствовало новым отношениям внутри партии:

²² Grez S. Historia del comunismo en Chile. P. 326.

²³ Grez S. Historia del comunismo en Chile. P. 329-330.

²⁴ Manifiesto del CEN a las secciones del país // El Despertar de los Trabajadores, Iquique, 30 de enero de 1925; Galdames M. Las tendencias izquierdistas // Justicia, Santiago, 17 de junio de 1925.

²⁵ Galdames M. Proyecto de organización celular se discute en estos momentos en el Congreso del Partido Comunista // El Comunista, 28 de diciembre de 1925.

²⁶ Justicia, 3 de enero de 1926.

коммунисты теперь отчитывались о выполнении заданий не перед собранием своей ячейки, а только перед вышестоящими органами, которые давали им указания и наказывали.

ПРОЦЕСС БОЛЬШЕВИЗАЦИИ (1926–1931)

В течение 1926 г. перемены, происшедшие на VII съезде партии, отразились и на новой риторике КПЧ. В рамках критики неэффективности и слабости компартии, новый руководитель ее Исполкома, избранный в тот год, Руфино Росас отчеканил: «Мы не являемся и не будем коммунистами только на словах, но можем ими стать на деле. Не тот революционер, кто проповедует революцию, а тот, кто к ней сам готовится»²⁷. Под этим лозунгом верхушка КПЧ стала проводить в жизнь новую концепцию коммунистической партийности.

Большевизм связывался с историей революции 7 ноября 1917 года и последующими событиями, которые, по словам Сантьяго Арангиса, стали основой понимания чилийским коммунизмом большевизма и Русской революции. Проводя связь между Октябрьской революцией и последующими действиями советского правительства, КПЧ защищала принципы, провозглашённые большевизмом. Проблемы дисциплины и внутренняя борьба в ВКП(б) в 1925–1926 гг были самыми сложными моментами для КПЧ, что привело её к выводу в необходимости железной дисциплины и доктринальной ортодоксии²⁸.

Эти элементы большевистской политической культуры стали ключевыми для нового руководства КПЧ для упрочения своих позиций в партии. Под лозунгом большевизации проводилась политика санкций и приказов, рассматриваемая как форма контроля над членами партии. Это давление сверху вызвало напряжение внутри партии и даже открытое противостояние ее новому руководству, а затем и делегатам от ЮАСКИ (Южноамериканского секретариата Коминтерна)²⁹.

Введение железной дисциплины на VII и VIII съездах компартии

²⁷ *Rosas R.* Nada de vacilaciones // Justicia, 3 de enero de 1926.

²⁸ *Aránguiz S.* Rusia Roja de los Soviets. P. 215.

²⁹ Во время диктатуры Карлоса Ибаньеса (1927–1931) отношения между ЮАСКИ и КПЧ стали более прочными. При этом происходил обратный процесс в их взаимоотношениях из-за стремления ЮАСКИ осуществлять жёсткий контроль над КПЧ и сопротивлением последней. См. Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931. P. 215–248; *Urtubia X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile: la transformación del militante tradicional, 1924–1933. Santiago: Ariadna Ediciones, 2016. P. 125–137.

Чили соответствовало изменению соотношения сил внутри партии, которое стало намечаться с кризиса сентября 1924 г. и после смерти Рекабаррена. В официальном дискурсе КПЧ железная дисциплина понималась как подчинение нижестоящих организаций, а значит, и рядовых членов, приказам руководства³⁰. Эта линия вылилась в создание цепочки иерархий внутри Исполкома партии, её целью было придание более органического характера деятельности членов партии.

Чтобы достичь своих целей, Исполком не сразу ужесточил санкции, а делал это постепенно, исключения из партии были отложены до конца 1926 г. Примером этого были парторганизации 3–ей и 2–ой коммуны Сантьяго в 1925–1926 гг. В обеих организациях существовали явления недисциплинированности, были попытки раскола на собраниях. Но реакция Исполкома оказалась непропорциональной: 16 членов партии были временно отстранены от партийной деятельности, а 6 человек, обвинённые в раскольнической деятельности, исключены из партии³¹. Что же касается городского комитета Сантьяго, то Исполком в 1926 г. провёл его полную реорганизацию (работала специальная комиссия), а все замешанные в расколе были исключены³².

Реорганизация партийного комитета Сантьяго вызвала беспокойство среди членов партии, и Исполком был вынужден объяснить свои действия тем, что партия дала ему право руководства. Он также аргументировал законность своих действий тем, что его члены были избраны демократическим путём членами партии³³. Коммунисты, которые критически относились к действиям Исполкома, считали эти действия самоуправными, так как недисциплинированность была проявлена небольшим числом партийцев, и ранее Исполком не реагировал так на подобное³⁴. Более того, они обвиняли Исполком в преследованиях партийцев³⁵. Проблема недисциплинированности представлялась таковой лишь для меньшинства в руководстве, но она была также вопросом несправедливости. Для критически настроенных членов партии дисциплина являлась продуктом согласия между рядовыми чле-

³⁰ El acatamiento de las instrucciones de la dirección y [la] realización del trabajo [son] deber de todo militante // El Comunista, 5 de julio de 1926; El último boletín semanal del Comité Ejecutivo de nuestro Partido // El Comunista, 23 de agosto de 1926.

³¹ Sección Santiago // El Comunista, 5 de enero de 1925.

³² Reorganización de la Sección Santiago // Justicia, 14 de abril de 1926.

³³ Todos nos debemos a la centralización y a la disciplina // El Comunista, 8 de septiembre de 1926.

³⁴ La disciplina // El Comunista, 14 de octubre de 1926.

³⁵ La Jornada Comunista, 7 de agosto de 1926.

нами партии и руководством, проводящим тактическую политику и опирающимся на принципы КПЧ³⁶. Они говорили о сознательной и принимаемой членами партии дисциплине, которая опирается на убеждения коммунистов и необходима им в революционной борьбе.

Критика неэффективности комитетов и призывы заменить их системой ячеек отразилась в решениях VII съезда компартии в конце 1925 г. Макловио Гольдамес через несколько недель после своего избрания в Исполком подчёркивал благо введения ячеек: «В рамках этой системы каждый коммунист будет работать на партию, которая поручит каждому члену свою миссию, работу, о которой каждый будет отчитываться, будь то перед руководителем ячейки или собранием»³⁷. Эта динамика предполагала реструктуризацию иерархий партийных рядов. Речь шла не только о взаимных обязательствах товарищей по партии, но и перед руководством партии, которое стало приказывать и наказывать. Чтобы обеспечить деятельность партийцев, система ячеек требовала консолидации внутри руководства. В манифесте 1926 года Исполком напоминал, что «всякая деятельность должна быть контролируема руководством партии»³⁸, то есть региональными комитетами, секретарями ячеек или комитетов, а также самим Исполкомом.

Как указывал Гальдамес, с начала этого года каждый член партии в рамках жёсткой дисциплины должен был действовать вместе со всей ячейкой или комитетом. Он завершал: «Нужно не большое число членов партии, а высокое качество каждого из них, нам нужны только самоотверженные и убеждённые люди»³⁹. Таким образом, укрепление дисциплины через наказания и санкции гарантировало координацию и контроль за расширением рядов партии. Как можно судить по словам Гальдамеса, это новое понимание членства в партии предполагало новую модель *ad hoc*, и её ещё предстояло создать. Партийная работа стала рассматриваться как показатель убеждений коммуниста, которые надо было доказывать.

Для создания этой системы иерархий, построенной вокруг руководства партии, чтобы формировать партийные ряды, была необходима легитимация действий. Доктринальная ортодоксия играла центральную роль, позволяя оправдывать или нет действия самого руководства, используя ту же риторику, что и органах Коминтерна. Хотя

³⁶ *Gat J.* Nuestra disciplina // *La Jornada Comunista*, 17 de septiembre de 1926.

³⁷ *Galdámes M.* Nuestro partido // *Justicia*, 13 de diciembre de 1925.

³⁸ *Manifiesto del CEN del PCCh a las secciones y afiliados* // *La Jornada Comunista*, 4 de febrero de 1926.

³⁹ *Galdámes M.* Hacia la bolchevización // *Justicia*, 24 de enero de 1926.

концепция «уклонов» затрагивала и проблему единства партии, и вопрос теоретической ортодоксии, в КПЧ обращали внимание лишь на первую. Вина в «уклонах» до 1926 г. состояла в попытке раскола из-за стратегических расхождений, что приводило к неподчинению указаниям руководства партии и даже созданию альтернативного руководства. Так, в отношении попыток раскола во 2 и 3 коммунах Сантьяго Исполком ограничился указанием, что эти группы приняли резолюции, наносящие ущерб партии. На чрезвычайном съезде компартии в сентябре 1924 г. были наказаны комитеты партии Винья-дель-Мар и Вальпараисо за уклонизм, деморализацию и дезорганизацию⁴⁰. Исполком заявил, что большинство обвинённых в уклонах не следовали линии партии, определённой на её съездах, а действовали в соответствии с политикой электоральных союзов. Для делегатов съезда это было серьёзным обвинением, так как компартия ничего не выиграла от этих союзов. Большинство обвинённых временно были лишены членства в партии, исключён только один, секретарь комитета Вальпараисо. Речь шла не об идеологических уклонах, а о текущих ошибках и создании неофициального руководства.

Использование обвинений в уклонении от доктринальной концепции в официальном дискурсе КПЧ против «уклонистов» в конце 1926 г. проявилось в Открытом письме ЮАСКИ. Среди парламентариев-коммунистов, обвинённых в правом уклоне, символическим стало дело Абраама Кеведо, депутата из Вальдивии. Он не подчинился указаниям Исполкома партии и поддержал предложения буржуазного парламентария о вотуме недоверия министру. Кеведо обвинили в нарушении дисциплины и исключили из партии.

Характер конфликта вокруг Открытого письма ЮАСКИ совпал с делом о правом уклоне Кеведо, рассмотренном на VIII съезде партии. Как писали Росас и Гальдамес, дебаты, которые вызвало Открытое письмо ЮАСКИ, стали важным этапом, который позволил выявить доктринальные ошибки коммунистов⁴¹. Хотя критика была обычным механизмом исправления ошибок, она не одинаково действует для всех. Гальдамес писал, что и Барра Волл, и Барриос, и даже руководители парламентской фракции должны были пройти через горнило критики⁴². А вот Фр. Прадо утверждал, что критика подрыва-

⁴⁰ Grez S. Historia del comunismo en Chile. P. 325.

⁴¹ Galdames M. Errar es humano // Justicia, 15 de diciembre de 1926.

⁴² Barra S. Lucha contra el personalismo // Justicia, 14 de diciembre de 1926; Barrios C. Comentario a un comentario // Justicia, 15 de diciembre de 1926.

ет авторитет руководства и его влияние в массах и в партии⁴³.

С другой стороны, критика ЮАСКИ была сосредоточена на правом уклоне парламентской фракции компартии, состоявшей из партийных руководителей с большим политическим опытом. Тема опыта, как принципа авторитета в партии, выдвигалась теми, кто считал, что все коммунисты должны подвергаться критике и самокритике и публично признавать свои ошибки. Оскар Сепульведа и Руфино Росас указывали, что, критикуя, надо принимать во внимание теоретические знания, а не партийный стаж⁴⁴. Франсиско Прадо считал, что такие комментарии несправедливы в отношении старых руководителей партии, так как критика ослабляет их лидерство и авторитет, а критиковать их нужно в рамках партийных институтов⁴⁵.

Использование критики уклонов как механизма, обеспечивающего доктринальную однородность КПЧ, было необходимо, чтобы ликвидировать защиту старейших кадров, их заслуг и опыта как форму легитимации лидеров в рамках традиционной политической культуры. Таким образом, теперь Исполком мог судить любого члена партии. Так удалось нейтрализовать некоторых старых лидеров, не вписывавшихся в большевизацию, а следовательно, потенциально противостоявших гегемонии новой линии. Во время этих дебатов в присутствии делегатов Коминтерна были созданы условия, в которых VIII съезд чилийской компартии принял положения о железной дисциплине и доктринальной ортодоксии. Эти решения сыграли большую роль в выживании партии, когда она перешла на нелегальное положение⁴⁶.

С 1926 г. проведение большевизации предполагало изменения в деятельности коммунистов и коммунистических фракций в профсоюзах. Их долг состоял в направлении деятельности своих членов, чтобы добиться преобладания компартии в профсоюзе. Предполагалось, что это будет достигаться через убеждение. Но одна лишь идеологическая пропаганда не могла привлечь сторонников, необходимо было сочетать её с непосредственными требованиями профсоюзов⁴⁷. На практике это означало, что работа партийцев станет более слаженной и будет лучше контролироваться со стороны Профсоюзной комиссии партии. Эта стратегия сохранялась во время диктатуры Ибаньеса, хотя «идальгистский» ЦК решил держать в секрете эту деятельность своих фрак-

⁴³ Cit. por: *Galdames M.* Bolchevización, op. cit.

⁴⁴ *Sepúlveda O.* Terciando el debate // Justicia, 14 de diciembre de 1926.

⁴⁵ *Prado F.* Bolchevización sí, personalismo no // Justicia, 14 de diciembre de 1926.

⁴⁶ *Urtubia X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile. P. 125

⁴⁷ ¿Cómo se consigue acercarse a las masas obreras? // Justicia, 6 de febrero de 1926.

ций в профсоюзах, чтобы избежать преследований властей⁴⁸.

Тоже самое произошло с публичными выступлениями и деятельностью парламентской фракции коммунистов. Несмотря на усилия Исполкома обеспечить повиновение кадров партии, они ограничились закрытыми увещеваниями, не имевшими особых последствий. Учитывая престиж своих лидеров, коммунистическая фракция чувствовала себя достаточно легитимной, чтобы избегать публичной критики. Ситуация изменилась после получения Открытого письма ЮАСКИ, когда Исполком, получив поддержку Коминтерна, заставил парламентариев-коммунистов признать свои ошибки, о которых писалось в Открытом письме, что ставило под сомнение их лидерство.

Создание коммунистических фракций в профсоюзах вело к разделению внутри профсоюза на коммунистов и прочих трудящихся. По большевистской логике их разделяли теоретические познания. С 1926 г. и даже в период подполья руководство партии проводило линию на доктринальную чистоту в соответствии с указаниями ЮАСКИ⁴⁹. Руководство рассматривало распространение брошюр и статей как самый простой шаг. С переходом КПЧ на нелегальное положение партия столкнулась с сокращением своих рядов, преследованиями и упадком духа. Для ЦК партии было важно следить за состоянием базовых организаций для подавления «смятения» в своих рядах, чтобы обеспечить выживание партии⁵⁰.

Изменения в политике руководства в рамках большевизации были направлены на усиление контроля и координации партийной деятельности, ущемляя индивидуальные инициативы членов партии и их критическое отношение. Это происходило одновременно с ужесточением дисциплинарных санкций и отслеживанием «уклонов». Также устанавливались чётко иерархические отношения внутри КПЧ.

Отсутствие основы для реализации органической, менее очеловеченной концепции партии привело к тому, что усилия руководства в этом направлении были очень скромными. Система ячеек, хотя и не вызвала противодействия снизу, находилась в зачаточном состоянии. С другой стороны, железная дисциплина и риторика борьбы с уклонами решительно проводились руководством партии. Но оно не смогло

⁴⁸ Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, archivo de Manuel Hidalgo. Las fracciones sindicales comunistas, [s/d], ff. 6.

⁴⁹ *Ulianova y Riquelme*, op. cit., p. 284.

⁵⁰ *Ulianova y Riquelme*, op. cit., p. 423. Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, Informe elevado a la Conferencia Regional celebrada el día 18 de setiembre de 1929, Antofagasta, 18 de setiembre de 1929, ff. 1.

создать партийных школ, а ЮАСКИ больше всего критиковала чилийских коммунистов как раз за их низкий идейный уровень и слабую подготовку. Распространение литературы было затруднено переходом партии на нелегальное положение. Ухудшились связи между местными комитетами и руководством партии, ослаб контроль ЦК. Хотя в период диктатуры сохранялась стратегическая программа партии с её целями, реальное содержание политики коммунистов оставалось в рамках традиционной чилийской политики.

ПАРТИЙНЫЕ КАДРЫ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИЗАЦИИ (1932–1933)

Большевизация предполагала изменение концепции деятельности КПЧ. Начиная с 1926 г., Исполком партии выступил инициатором ряда мер для укрепления организации коммунистов. Это подразумевало формирование членов партии *ad hoc*. Вводились в обращение термины «кадры» и «фракции», предлагалось отказаться от индивидуального подхода к партийцам, что было частью традиционной политической культуры. Это привело к обезличиванию типа партийца, которое происходило под лозунгом большевизации: подчинение иерархии партийного руководства и верность теоретической ортодоксии. Субъективная точка зрения и позиция членов партии должны были быть преодолены.

С 1931 г. обе фракции КПЧ разделяли поведенческую матрицу самопожертвования и героизма, что было естественной формой жизни в условиях подполья. Эта партийная мораль партийности из принципов большевизации. Из них не следовало обесчеловечивание членов партии, но все это вело к упрощению традиционной морали коммунистов. Официальная фракция КПЧ, и возможно, диссидентская, не меняли свои критерии для членства в партии (принятые в конце 1925 г.), поэтому партия считала, что должна заняться подготовкой своих кадров. Оба сектора КПЧ вели курсы повышения идейной подготовки, создали собственные издательства и имели свои газеты. Эти меры считались частью большевизации, но каждая фракция по-разному относилась к идеологической подготовке в этом процессе.

В соответствии с императивами большевистской политической культуры и при прямом контроле со стороны ЮАБ (особенно во время визита Паулино Гонсалеса Альберди), официальная фракция КПЧ заявила, что марксизм-ленинизм, доктрина партии является её главной отличительной чертой. В программе обучения кадров, опубликованной в 1933 г., цитировались слова Ленина: «Без революционной теории нет революционного действия». Эта фраза отражала дух партийных курсов. С целью формирования кадров эти программы были раз-

работаны в духе характеристики «третьего периода» развития мирового капитализма, среди которых выделялись отличия Латинской Америки. Особенно важное значение уделялось основным теоретическим постулатам ленинизма, овладеть которыми следовало для понимания тактических целей партийной работы в профсоюзах⁵¹. Последнее рассматривалось через призму решений 1-й Профсоюзной латиноамериканской конференции, резолюций о профсоюзах ЦК КПЧ и некоторых текстов Ленина. Всё это соответствовало политике «класс против класса», проводимой ЦК чилийской компартии и ЮАБ. Цель состояла в принятии членами партии коммунистической ортодоксии. Санкции за уклоны касались целого комплекса различных ошибок, отклонений от линии партии, особенно приверженности «вредным идеологиям» (идальгизм, гровизм, анархизм и т.д.).

Диссидентская фракция в партии стала главным объектом этой критики. Её руководители сделали ставку на гибкую линию, противостоящую жёсткости ориентировок Коминтерна и официальной фракции. Генеральный секретарь ЦК фракции Умберто Мендоса (Хорхе Левин) указывал, цитируя Ленина, что КПЧ должна не строго подчиняться заранее установленному плану, а самостоятельно предпринимать адекватные действия⁵². Другой деятель партии писал, что сама ситуация в стране подскажет политическую линию, нет необходимости следовать только «литературе, которую называют подрывной»⁵³. Отклонения и ошибки необходимо корректировать в педагогических целях, но не осуждать как уклоны, подлежащие исправлению⁵⁴. Тем не менее, и диссидентская, и официальная фракция партии проводили политику укрепления кадровой дисциплины, хотя партийную дисциплину они понимали по-разному.

С установлением железной дисциплины в политической культуре официальной фракции КПЧ ЦК партии под руководством Карлоса Контрераса Лабарки призвал преодолеть пассивность своих членов. Этот поворот привёл к новым дисциплинарным санкциям. Если до 1927 г. отсутствие на партсобраниях или невыполнение заданий никак не наказывались, с 1931 г. за это стали исключать из партии. Отстра-

⁵¹ Plan de estudios de un curso de capacitación. Hacia la formación de un poderoso activo en el Partido Comunista chileno. Santiago: Gutenberg, enero de 1933.

⁵² Levin J. Revolución y burocracia // La Chispa, Santiago, septiembre de 1931.

⁵³ E. R. M. Lo que hay que hacer // La Chispa, noviembre de 1931.

⁵⁴ Archivo Histórico Nacional, sin catalogar, Informe del Comité Regional al Congreso Regional de Aconcagua y Santiago, [noviembre de 1931], fj. 4.

нение Аурелио Монтесиноса за нераспространение брошюры ФОЧ⁵⁵ продемонстрировало стремление руководства партии наказывать за безответственное отношение к заданиям и свободную инициативу, то есть убирать всех, кто не принял новую гегемонию и правила руководства. Под этими лозунгами фракция, признанная ЮАБ, выработала механизмы увеличения партийной нагрузки на членов в сфере, которая больше всего беспокоила руководство: увеличение численности партии и усиление её влияния. «В 1931 г. началась кампания «пролетаризации»: массового призыва в партию рабочих стратегических отраслей. ЦК разработала так называемые «Пакты революционного соревнования» между ячейками, районными, местными и региональными комитетами, чтобы выполнить поставленные цели увеличения своих рядов⁵⁶. Однако эта форма не была распространена на другие аспекты партийной деятельности.

После выполнения этого задания определялись результаты деятельности ячеек и районных комитетов⁵⁷, одновременно составлялись доклады о работе руководству. С целью контроля над партийцами и очистки партии от уклонистов и неверных действий была введена практика «самокритики», то есть публичного признания собственных ошибок⁵⁸. С другой стороны, диссидентская фракция требовала дисциплины исходя из логики традиционной политической культуры коммунистов. Цитируя Ленина, безымянный автор статьи в газете «La Chispa», отвечая на вопрос о партийной дисциплине, подчеркивал «сознательный характер пролетарского авангарда, его верность делу революции, его самообладание, его дух самопожертвования и героизм»⁵⁹, то есть ставил акцент на сознательности. Так, делегаты съезда диссидентской фракции партии в 1933 г. постановили, что для изживания недисциплинированности «требуется не только принять меры наказания, но и развивать коммунистическую культуру, познание теории, изучать экономические и общественные законы, историю, формы и методы классовой борьбы и цели пролетарской революции»⁶⁰. Партийная дисциплина рассматривалась как результат сочетания индиви-

⁵⁵ El Comunista, 24 de octubre de 1931.

⁵⁶ Bandera Roja, Santiago, 29 de marzo de 1932.

⁵⁷ Funcionamiento de las células de empresa // Bandera Roja, 28 de octubre de 1931.

⁵⁸ El Comunista, 25 de mayo de 1932.

⁵⁹ A. Párrafos de un libro sobre Lenin // La Chispa, 20 de agosto de 1931.

⁶⁰ En defensa de la Revolución. Informes, tesis y documentos presentados al Congreso Nacional del Partido Comunista a verificarse el 19 de Marzo de 1933. Santiago: Editorial Luis Emilio Recabarren, 1933. P. 24.

дуального долга партийца с его революционной сознательностью. Понятие дисциплины у этой фракции коренным образом отличалась от официальной партии.

Эти различия в интерпретации политической культуры большевизма оказали влияние на партийную деятельность, на кадровый проект каждой партии. Хотя обе части КПЧ придерживались тактики создания партийной фракции в профсоюзах, между ними имелись серьезные различия. В рамках политики «класс против класса» официальная часть КПЧ делала ставку на «красные профсоюзы». Через свои фракции в профсоюзах, а начиная с 1932 г. через Революционную профсоюзную оппозицию партия стремилась привлечь к себе рабочих, выдвигая непосредственные требования. Также проводились кампании дискредитации враждебных профлидеров, чтобы заменить их на своих. Запрещались всякие союзы с социал-демократами, анархистами и другими партиями в профсоюзах, а подготовленные, самоотверженные и дисциплинированные партийцы могли добиться лидерства в рабочей среде, что позволило бы обеспечить руководство будущей революции со стороны КПЧ. Эта модель оставалась без изменений, несмотря на то, что трудно было гарантировать исполнение этой линии со стороны ЦК, а с 1932 г. ослаб и контроль со стороны ЮАБ.

Диссиденты, напротив, считали, что контроль за профсоюзами должен быть завоеван в ходе убеждения в верности позиции КПЧ во разным вопросам в результате работы коммунистических фракций в профсоюзах. Отдавалось предпочтение дебатам и собраниям, которые должны были развивать в кадрах критический подход и способствовать формированию широких стратегических альянсов. Исходя из этого, кадры должны были заботиться о единстве вокруг непосредственных требований, чтобы затем уже привлечь своих сторонников к политической борьбе.

На съезде партии в 1933 г. утверждалось, что успехи в профсоюзах постепенно будут выливаться в политическую борьбу⁶¹. Партия с конца 1931 г. считала, что переход к политической борьбе возможен только после формирования революционной сознательности, то есть политических убеждений. С этой целью было необходимо организовать чтение партийных газет и центры обучения рабочих, которые создавались Коммунистическим университетом Луиса Э. Рекабаррена. Диссиденты считали, что такое изучение доктрины придаст гибкие черты политическим действиям лидеров и кадров партии. Они ожидали, что

⁶¹ Ibid., P. 25.

члены их партии, будучи критическими, самоотверженными и дисциплинированными людьми, смогут верно оценить политическую конъюнктуру и возглавить рабочее движение.

Механизмы воспитания членов партии устанавливали горизонт возможностей, а модели партийности представлялись как сфера борьбы между фракциями, они определяли, что означало быть коммунистом и как реагировать на деятельность партии. Взгляд же на членство в партии отражал позицию по отношению к руководству и её действиям внутри партии.

Восприятие и насаждение определённых элементов большевистской политической культуры служили консолидации руководства партии. Единственное, что было решительно реализовано чилийской компартией перед VII Конгрессом Коминтерна, это укрепление дисциплины и введение санкций за уклонизм, что вызвало напряжение среди членов партии и создало трудности для её руководства. Эта избирательность в выборе критериев большевизации соответствовала изменениям в соотношении сил внутри партии, ею объяснялась новая модель партийности коммунистов. Эти факторы привели к напряжению в ходе диалога и взаимодействия двух различных политических культур: с одной стороны, традиционной и, с другой, большевистской.

Начиная с 30-х годов, когда КПЧ уже раскололась на две фракции, меры, связанные с большевизацией, реализовывались с большей системностью, что привело к кризису политических традиций внутри партии, показало необходимость её обновления. Именно в этом русле понималась большевизация. Каждая фракция приняла те или иные элементы большевизации, но при этом либо сохраняла, либо подвергала обновлению традиционную политическую культуру, что оказало влияние на выработку соответствующей модели партийности. Таким образом, было бы большим упрощением рассматривать диссидентов компартии как наследников традиции, а её официальную фракцию как единственную представительницу большевизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуш Е.Ю., Щелчков А.А.* Политическая история Чили, XX век. М.: Высшая школа, 2009.
- Aránguiz S.* Rusia Roja de los Soviets: Recepciones de la Revolución Rusa, del bolchevismo y de la cultura política soviética en el mundo obrero revolucionario chileno (1917–1927). Tesis para optar al grado de Doctor en Historia, Instituto de Historia, Pontificia Universidad Católica de Chile. Santiago, 2012.

- Carr E.* El socialismo en un solo país, 1924–1926. T. 3. Madrid: Alianza Editorial, 1976.
- Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931 / *Ulianova O., Riquelme A.* (eds.) Santiago: DIBAM, 2005.
- En defensa de la Revolución. Informes, tesis y documentos presentados al Congreso Nacional del Partido Comunista a verificarse el 19 de Marzo de 1933. Santiago: Editorial Luis Emilio Recabarren, 1933.
- Grez S.* Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924), Santiago: Lom, 2011.
- Muñoz G.* Disputa por el comunismo en Chile: estalinistas y opositores en el partido de Recabarren (1924–1934), Tesis para optar al grado de Licenciado en Historia, Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile, Santiago, 2014.
- Plan de estudios de un curso de capacitación. Hacia la formación de un poderoso activo en el Partido Comunista chileno. Santiago: Taller gráfico Gutenberg, enero de 1933.
- Ramírez H.* Origen y formación del Partido Comunista de Chile. Ensayo de historia política y social de Chile, Moscú: Editorial Progreso, 1984.
- Urtubia X.* Hegemonía y cultura política en el Partido Comunista de Chile: la transformación del militante tradicional, 1924–1933. Santiago: Ariadna Ediciones, 2016.